

Глава 34: Рёбрышки не остыли

—

Лу Синцзя пристально смотрел на слегка деформированную от чрезмерного напряжения ладонь, слёзы подступали к глазам.

Ему хотелось обругать этих подонков последними словами.

Ему хотелось сказать Цинь Мудуну, что он очень хороший, и что те люди его не заслуживают.

И ему хотелось сказать, что он не такой, как те люди, и не оставит его.

Но сила слов была слишком бледной, слишком бессильной, и слишком надменной.

Люди часто говорят о сочувствии, но на самом деле большая его часть – это лишь поверхностная жалость.

Рука Цинь Мудуна все еще крепко сжимала запястье Лу Синцзя, с такой силой, что, казалось, вот-вот раздробит его кости.

Кончики пальцев побелели от недостатка крови. Лу Синцзя изо всех сил раскрыл ладонь, повернул запястье на пол-оборота и схватил Цинь Мудуна за предплечье.

Это движение было немного трудным, запястье почти изогнулось под невозможным углом, но Лу Синцзя все равно крепко сжал его, не желая отпускать.

Рука Цинь Мудуна оцепенела, он инстинктивно хотел отдернуть ее, но Лу Синцзя не позволил, его бледная рука крепко держала его запястье.

И тогда Цинь Мудун больше не двигался, не отказывался и не сопротивлялся.

—

В шумной студенческой столовой то и дело раздавался гам, выкрики тётушек, раздающих еду, резкий звон падающих на пол кастрюль и сковородок.

За столом, где постоянно сновали люди, два подростка крепко держали друг друга за запястья.

Тепло их тел передавалось через кожу, а затем по крови возвращалось к их бьющимся сердцам.

Лу Синцзя наспех засунул тушеные рёбрышки в рот, кислый, сладкий и мягкий вкус сопровождался горькой терпкостью.

Пообедав, он потащил Цинь Мудуна на крышу. Они пропустили послеобеденные занятия и сидели рядом на крыше. Лу Синцзя просто был с ним, и никто из них не произносил ни слова.

Погода была прекрасной, бескрайнее голубое небо, медленно плывущие большие облака, а течение времени можно было определить только по изредка звучащим звонкам.

Прошел один урок, затем два, потом три.

Вокруг было так тихо, что слышался только ветер, а потом Цинь Мудун заговорил.

Он рассказывал, как когда-то действительно считал того человека другом, как помогал ему с учёбой, приносил завтрак, как они вместе проводили счастливые моменты.

Он говорил, что чувствовал странность того человека, слышал сплетни, но все равно отчаянно ему верил.

Он рассказывал, как в тот день лично слышал, как тот человек говорил, что дружит с ним только потому, что поспорил с друзьями, и что на самом деле он давно уже не выносит его, считая его больным и отвратительным.

Он рассказывал, как он махнул кулаком и ударил того человека по голове.

...

Лу Синцзя тихо слушал его, будучи молчаливым слушателем.

Цинь Мудун не нуждался в сочувствии, и не нуждался в утешении, он просто хотел примириться со своим прошлым, полным шрамов.

И Лу Синцзя был рядом с ним.

После того, как он закончил, наступило долгое молчание. Но никто не обратил на это внимания.

Они продолжали сидеть рядом, молча.

—

Прозвенел звонок, знаменующий окончание четвертого урока, настало время ужина.

Кампус снова оживился, студенты парами и тройками направлялись в столовую.

Стемнело, дул легкий вечерний ветерок. Лу Синцзя поднялся с земли, отряхивая с себя пыль.

«Возвращаемся?» — спросил он.

Цинь Мудун ответил «м-м» и тоже встал.

И вот, как будто ничего не произошло, они пошли к лестнице.

Проходя мимо старой железной двери, Лу Синцзя тихо сказал: «Всё это в прошлом».

Его голос был таким тихим, что почти растворялся в ветре, но он был уверен, что Цинь Мудун услышал.

«Мм, всё в прошлом», — равнодушно повторил Цинь Мудун.

«Мы хорошие друзья», — сказал Лу Синцзя.

Цинь Мудун больше не повторял его слов. Войдя в полутемное здание школы, он вдруг почувствовал, что вокруг стало светлее.

Старое школьное здание, даже перила лестницы выцвели и облупились, но Цинь Мудун впервые почувствовал, что здание выглядит таким ярким и живым

Гнилое, зловонное прошлое, что давило в сердце, было сорвано. Это не было громким событием, оно смешалось с осенним ветром, и даже чувствовался запах пыли на давно не чистившейся крыше.

И тогда оно, естественно, увидело свет, так же, как грязные сточные воды испаряются на солнце.

Они шли рядом в сторону класса, Лу Синцзя отставал на полшага, глубоко-глубоко вздохнул, наконец-то смог вытереть слезы рукавом.

Вернувшись в класс, он обнаружил, что большая часть учеников все еще там, тихо и сосредоточенно решая задачи.

Лу Синцзя крадучись вернулся на свое место. Его сосед по парте в очках в черной оправе молча поднял голову и взглянул на него.

Лу Синцзя вежливо улыбнулся и уже собирался сесть, как вдруг увидел, что парень поправил очки и медленно произнес: «Только что, учитель по фамилии Чжан приходил».

«...»

Улыбка Лу Синцзя застыла на губах.

Неужели так совпало? Только прогулял урок, и сразу поймали.

Он осторожно спросил: «Учитель... что сказал?»

Парень снова поправил свои очки в черной оправе, его тон был совершенно ровным: «Сказал, чтобы ты пришёл к нему».

Лу Синцзя: «...»

Он вдруг вспомнил, что в прошлой жизни, когда он учился в университете, было, кажется, то же самое: стоило ему прогулять урок, как учитель обязательно вызывал его по списку.

Теперь он чувствовал, что с его везением что-то не так.

Однако сейчас уже ничего не поделаешь. Лу Синцзя поблагодарил парня в очках, накинул куртку и вышел из класса.

Чжан Чучу — руководитель группы старшей школы № 1, но он не занимался непосредственно преподаванием. Лу Синцзя нашел его в учительской.

«Учитель Чжан».

Лу Синцзя вежливо постучал в дверь, подошел к Чжан Чучу, склонил голову, изображая послушного ученика, который признает свою ошибку.

Чжан Чучу опешил и с сомнением спросил: «Почему у тебя такое выражение лица? Что-то натворил?»

Его выражение не казалось наигранным и не выглядело как шутка. Лу Синцзя моргнул и спросил: «Разве... вы меня не искали?»

«О», — кивнул Чжан Чучу, естественно, — «Да, я только что после уроков искал тебя, хотел поговорить».

«После уроков?!» Лу Синцзя невольно повторил ключевое слово.

Чжан Чучу подозрительно посмотрел на него, сбитый с толку его необычным поведением: «Что-то не так?»

Оказывается, его не раскрыли!

Лу Синцзя не удержался и мысленно показал знак «виктория», покачав головой: «Нет, нет».

Чжан Чучу по-прежнему хмурился, Лу Синцзя поспешно с улыбкой спросил: «Учитель, о чем вы хотели поговорить?»

Его ясные глаза моргали, а вид был совершенно безобидным.

«...»

Чжан Чучу потер виски и в конце концов решил не заморачиваться, достал со стола пачку бумаг и завел разговор по существу.

«На самом деле, я не специально тебя искал, просто скоро финальный этап, и я хочу поговорить с каждым учеником нашего класса».

Чжан Чучу скопировал все проверочные работы Лу Синцзя за эту неделю и поочередно помогал ему их анализировать.

По сравнению с тем, когда он только пришел в класс год назад, Лу Синцзя можно сказать, совершил качественный скачок.

Но жестокость соревнований заключается в том, что они не смотрят на то, сколько усилий ты приложил, а только на конечный результат.

Между основным и предварительным этапами прошло всего полмесяца, но уровень сложности был совершенно разный.

Несомненно, сложность основного этапа намного выше предварительного.

А согласно нынешней политике вступительных экзаменов, только получение первого приза на провинциальном уровне даёт соответствующие дополнительные баллы, и, судя по результатам

Лу Синцзя, это может быть нелегко.

«Ты тоже знаешь, с твоими нынешними оценками...» Чжан Чучу начал говорить с некоторой нерешительностью, именно потому, что он понимал, сколько усилий приложил Лу Синцзя, ему было тем более трудно начать.

«Ничего, учитель, я знаю, что вы хотите сказать», — вопреки его ожиданиям, Лу Синцзя улыбнулся и даже сам продолжил, — «Я тоже знаю свой уровень, так что никакого психологического давления нет».

Чжан Чучу немного опешил.

Лу Синцзя еще никому не рассказывал о своих мыслях, его улыбка была немного сдержанной: «Правда, учитель, вам не нужно беспокоиться о моем настрое. Независимо от конечного результата, даже если я не получу никакой награды, я не буду жалеть и не буду сожалеть. Более того, за этот год я освоил множество подходов и методов, которые пригодятся мне в будущем, когда я вернусь в класс для подготовки к государственным экзаменам».

Олимпиадный класс в старшей школе № 1 не полностью прекращал занятия по другим предметам; их тоже нужно было изучать параллельно.

И за этот год успеваемость Лу Синцзя по другим предметам не только не ухудшилась, но и значительно улучшилась.

В конечном итоге, конкурсы на этапе старшей школы — это не столько исследования, сколько метод обучения, взгляд на проблемы и способ их осмысления.

Физика учит тебя разлагать различные сложные явления повседневной жизни на простые модели и затем объяснять их. Этот подход применим к любой дисциплине.

С самого начала Лу Синцзя начал изучать физику ради спасения Цинь Мудуна, теперь он постепенно начал получать от этого удовольствие.

Конечно, за исключением моментов, когда его подавляли высокоуровневые сложные задачи.

Все слова были сказаны Лу Синцзя, и Чжан Чучу, наоборот, нечего было сказать. Они еще долго болтали о забавных историях из учёбы и жизни, и в конце Чжан Чучу вздохнул: «Раньше я думал, что ты просто солнечный и открытый, но сегодня я понял, что ты намного взрослее, чем я себе представлял».

На первый взгляд, он смеялся беззаботно, но на самом деле был намного взрослее своих наивных сверстников, зная, чего хочет, и упорно добываясь этого.

Лу Синцзя смущенно почесал затылок: «Нет, может быть, я просто более сознателен, в конце концов, я плохой ученик».

И к тому же, он переродился, пережив столько сожалений.

«Нет», — улыбнулся Чжан Чучу, возражая ему, — «Ты очень хороший ученик, всегда был им».

Его тон был необычно серьезным.

На самом деле, он не сказал еще одну вещь, опасаясь психологического давления на Лу Синцзя.

Он видел слишком много чудес в этом ребенке и думал, что, возможно, и в этот раз будет так же.

—

Осенний вечерний ветерок был немного прохладным. Лу Синцзя вернулся как раз к концу вечерней самоподготовки.

Это было воскресенье, и тренировочный лагерь редко давал им один свободный вечер, без экзаменов.

Такой редкий свободный вечер прошел в разговорах, и Лу Синцзя несколько не жалел об этом.

У него никогда не было возможности поговорить со сверстниками о своих идеалах и мечтах, а Хэ Си была слишком мягкой, и Лу Синцзя хотел, чтобы в ее глазах он всегда оставался ребенком.

Чжан Чучу дал ему много отличных советов, включая будущее развитие и корректировку мышления, что принесло ему огромную пользу.

Вернувшись в класс, он обнаружил, что большинство учеников уже ушли.

Студенты в тренировочном лагере очень усердно занимались, обычно после занятий они сразу же бежали в общежитие, чтобы продолжить учёбу.

Условия здесь были хорошие, в общежитии были двухъярусные кровати и столы под ними. Хотя вечером отключали свет, студентам разрешалось учиться при настольных лампах, и многие часто учились до двух-трёх часов ночи.

Лу Синцзя тоже не спал две ночи, но на третий день его тело не выдержало. Днем его сердце постоянно билось нерегулярно, и он чуть не оступился, спускаясь по лестнице.

Поэтому он не стал форсировать события, а сделал все, что мог, сохранял спокойствие и буддистски относился к экзаменам.

Сосед по парте в очках уже ушел, Цинь Мудун еще не ушел, Лу Синцзя заметил его, как только вошел.

И в тот момент, когда он вошел, взгляд Цинь Мудуна также устремился в эту сторону.

В момент соприкосновения взглядов Лу Синцзя инстинктивно широко улыбнулся, а затем отвел глаза и вернулся на свое место, чтобы собрать вещи.

Учеников в классе становилось все меньше, Цинь Мудун, повесив рюкзак на одно плечо, подошел к Лу Синцзя и, прислонившись к парте соседа в очках, спросил: «Пойдем вместе?»

«Хорошо», — кивнул Лу Синцзя.

Так, совершенно естественно, они вдвоем пошли к общежитию.

Ночной ветер подхватывал их куртки. Цинь Мудун спросил: «Тебя не было на вечерней самоподготовке?»

«Да», — кивнул Лу Синцзя, — «Учитель Чжан позвал меня поговорить по душам».

Атмосфера была приятной, он засунул руки в карманы куртки, и это придало ему немного раскрепощенности. Он небрежно спросил: «Откуда ты знаешь, что меня не было? Тебе что-то нужно было от меня?»

Лу Синцзя клялся, что это было сказано просто так, без малейшего умысла, но когда он поднял глаза, то вдруг заметил, что Цинь Мудун покраснел.

Они шли рядом, и Лу Синцзя, привыкший смотреть людям в глаза во время разговора, случайно взглянул в сторону и увидел легкий румянец на щеках Цинь Мудуна.

Он был очень бледным, но в свете ночных уличных фонарей был так отчетливо виден.

Невольно сердце Лу Синцзя тоже пропустило два удара.

И атмосфера внезапно стала двусмысленной.

Двусмысленной и немного неловкой.

Цинь Мудун опустил глаза и, пытаясь исправить ситуацию, сказал: «Нет, просто так спросил».

Но это все равно не помогло.

Лицо Лу Синцзя тоже покраснело, и он вот так, неловко, дошел до входа в общежитие.

Его взгляд беспорядочно блуждал, и вдруг он заметил, что проходящий мимо парень ему знаком.

Приглядевшись, он узнал его — это был Сюй Фэйлун!

Лу Синцзя потянул Цинь Мудуна за рукав, желая показать ему, чтобы он шел медленнее, чтобы разминуться с Сюй Фэйлуном.

Но было уже поздно. Сюй Фэйлун тоже посмотрел в их сторону, а затем узнал их.

После того, как все маски были сброшены, трое, естественно, не имели ничего, чтобы сказать друг другу. Сюй Фэйлун фыркнул: «Вы все еще тусуетесь вместе?»

Он придвинулся к Лу Синцзя, но голос его был намеренно громким, чтобы Цинь Мудун тоже мог слышать: «Я же тебе говорил, Цинь Мудун — псих, ты не боишься заразиться?»

Сказав это, он еще и вызывающе взглянул на Цинь Мудуна.

Взгляд Цинь Мудуна слегка изменился, но он лишь холодно смотрел на него.

Поняв сущность этого человека, он, наоборот, перестал обращать на него внимание.

В его глазах был только тот, кто ему дорог.

И теперь этот человек — только Лу Синцзя.

Зато в Лу Синцзя закипела необъяснимая злость, и его врожденная неуступчивость внезапно вырвалась наружу.

Он вдруг перестал хотеть сдавать экзамены в буддистском стиле, он хотел получить первое место в провинции, хотел превзойти этого мерзавца Сюй Фэйлуна, хотел полностью раздавить его!

«И что?»

Лу Синцзя скривил губы, презрительно глядя на него: «Хочешь поспорить?»

Сюй Фэйлун вздрогнул: «О чем спорить?»

«Поспорим, сможешь ли ты сдать лучше, чем два психа».

В темноте янтарные глаза Лу Синцзя светились невероятно ярко, в них играл яркий огонь.

Сюй Фэйлун невольно вздрогнул: «Кто... кто будет с тобой соревноваться в этом, скучно!»

Лу Синцзя фыркнул: «Что скучного в том, что ученики соревнуются в учебе? Или ты даже на это не осмелишься?»

Сюй Фэйлун, больше всего ценивший лицо и не выносивший провокаций, выпрямил шею и ответил: «Кто не осмелится!»

«Хорошо, тогда давай поспорим!»

Лу Синцзя бросил эту фразу, не дав ему больше сказать ни слова.

Он схватил Цинь Мудуна за запястье и быстрым шагом вошел в общежитие, перешагивая через две ступеньки.

—

Примечание автора:

Лапша не слиплась! Рёбрышки не остыли!

—

<http://bllate.org/book/14490/1282456>